

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/23062061/33/8

МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ: КОММЕНТАРИИ А.Г. ГАБРИЧЕВСКОГО К ЮБИЛЕЙНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ ГЁТЕ (1932–1949)

Ирина Николаевна Лагутина¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, ilagutina@hse.ru*

Аннотация. Исследуется возможность для ученых-гуманитариев 1930-х гг. сохранять баланс между поэтикой и идеологией в работе с классическим наследием, в частности интерпретировать творчество Гёте на границе между марксизмом и буржуазным литературоведением. На примере издания Юбилейного собрания сочинений Гёте рассматриваются состав и структура комментариев академического собрания его сочинений, разработанные руководителем проекта А.Г. Габричевским. В основе его концепции – соединение концептуальной комментирующей статьи, фактографических примечаний и переводоведческих комментариев.

Ключевые слова: Юбилейное собрание сочинений Гёте, А.Г. Габричевский, комментарии, идеология, поэтика

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ».

Для цитирования: Лагутина И.Н. Между поэтикой и идеологией: комментарии А.Г. Габричевского к Юбилейному собранию сочинений Гёте (1932–1949)// Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 137–157. doi: 10.17223/23062061/33/8

Original article

BETWEEN POETICS AND IDEOLOGY: COMMENTARIES BY ALEKSANDR GABRICHEVSKY ON THE ANNIVERSARY EDITION OF GOETHE'S WORKS (1932–1949)

Irina N. Lagutina¹

¹ *National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation, irina.lagutina@gmail.com*

Abstract. This article considers the possibility for humanities scholars in the 1930s to maintain the balance between poetics and ideology while working with classical

material, in particular, to interpret Goethe's works on the edge between Marxism and bourgeois literary studies. The anniversary edition of Goethe's works, scheduled for the 100th anniversary of the author's death, illustrates the structure and composition of commentaries in academic publications of foreign classical writer's collected works, developed by the curator of the project, Aleksandr Gabrichevsky. He was an art and literary critic and translator, who headed the committee for the study of Goethe's works in the State Academy of Art Sciences, which was closed by that time. His main idea was based on three components: a conceptual commenting introduction, "factographic" notes, and commentaries explaining the principles of translation. The edition is prefaced by two conceptual articles, the essay "Wolfgang Goethe" by Anatoly Lunacharsky, the people's commissar of education, and Gabrichevsky's "Goethe's Poetry", which contains a latent controversy between social and aesthetic approaches to the interpretation of literary heritage. Quoting the essay "Karl Grün. About Goethe from the Human Point of View" by Friedrich Engels, Lunacharsky introduces into Soviet science a formula on the "internal duality", "ugly obsequiousness" of the German classic (he was a great poet and an insignificant bourgeois). He emphasizes that the goal of the commentaries should be not an analysis of Goethe's "pure" poetry and poetics, but a "living social portrait" and his "social ties" that can justify Goethe's "betrayal" and that bring him closer to the "new humanity" – the proletariat. The key to Gabrichevsky's interpretation was the concept "lyrical form". Gabrichevsky integrated Goethe's poetry into the "rhythm of European national literatures", which also included Dante, Shakespeare, Pushkin. Gabrichevsky's initial thesis was the idea of the *absolute lyricism of Goethe's works*. After Goethe, lyrics could not remain rhetoric; now it was "rhythmic clots of the flow of prose speech". The second conceptually significant concept for Gabrichevsky was connected with the idea of "young Goethe". It was not just a designation of the chronological stage of the poet's life, but a characteristic of the new "mood" of culture that was born with Goethe and that later, in the time of modernity, would be embodied in the cultural projects of "young Vienna" and "young Berlin". A number of commentaries aimed to explain the features of the translations of poetry that were commissioned specifically for this edition. Gabrichevsky wanted to include translation into the range of problems linked to the scientific interpretation of the original and therefore he developed new guidelines for "synthetic translation", believing that "the entire system of the original" should be translated, but not just one side of the work (idea, image, or phonetic structure). Gabrichevsky's scholarly discourse sometimes displayed autobiographical allusions, indeed. Gabrichevsky turned the official version of the duality of Goethe, broken by the "miserable" atmosphere of princely Weimar, into the basis of the tragic conflict that had an absolute and insoluble nature precisely because "inertness" and human "vulgarity" exist in all epochs.

Keywords: anniversary edition of Goethe's works, Aleksandr Gabrichevsky, commentary, poetics, ideology

For citation: Lagutina, I.N. (2023) Between poetics and ideology: Commentaries by Aleksandr Gabrichevsky on the anniversary edition of Goethe's works (1932–1949). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 137–157. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/8

Литературные юбилеи сталинской эпохи являлись не только инструментом культурной политики, но и важным средством идеологического воздействия. С одной стороны, юбилеи создавали новый отсчет времени, помогая стабилизировать пространство формирующейся социальной утопии, с другой – позволяли вовлекать в строительство «пролетарского», а затем «советского» национального мифа всю страну. Они выходили за рамки собственно биографического, литературного или художественного события, используя власть как источник необходимых идеологических клише, которые впитывались и воспринимались на уровне массового сознания. Частью такой утопии стал новый литературный канон, куда был включен и И.В. Гёте. Столетний юбилей со дня смерти великого немецкого поэта, всенародно отмеченный 22 марта 1932 г., проводился с использованием уже отработанных культурно-политических механизмов и должен был продемонстрировать существенное различие между Советским Союзом и культурной политикой буржуазных стран Европы, прежде всего Германии, где в недрах консервативной революции уже вызревал национал-социализм.

В центральной «Литературной газете» в дни гетевского юбилея появилась подборка статей, посвященных Гёте, их девизом стал тезис, что «гетевское наследство принадлежит только нам – мировому пролетариату в стране победившего социализма, партии, руководимой Сталиным» [1]. «Пролетариат» был провозглашен «верным наследником великих мыслителей и великих поэтов-классиков молодой Германии и среди них быть может величайшего – Иоганна Вольфганга Гёте», как скажет Луначарский в докладе, прочитанном 22 марта 1932 г. в Доме союзов на юбилейном вечере [2. С. 20].

Наряду с многочисленными торжественными мероприятиями по всей стране (вечера, конференции, концерты, спектакли, выставки) было запланировано издание 13-томного Юбилейного собрания сочинений Гёте под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова, которое выходило в течение 1932–1949 гг. в Государственном издательстве художественной литературы¹.

Как было указано в опубликованном к юбилею «Проспекте Юбилейного собрания сочинений Гете», к его подготовке были привлечены крупнейшие советские германисты – литературоведы, искусствоведы и философы – А.Г. Габричевский, М.Н. Розанов, М.А. Петровский, С.В. Шервинский, П.С. Коган, В.М. Жирмунский, В.И. Вернадский, а для

¹ I и II том вышли в 1932 г., III и IV – в 1933 г., VI – в 1934 г., VII, VIII, IX, XI – в 1935 г., X – в 1937 г., V – в 1947 г., XII – в 1948 г. и XIII – в 1949 г.

новых переводов приглашены известные поэты – такие как Б. Пастернак, М. Волошин, М. Кузьмин, В.И. Иванов и др. [3. С. 15]. Многие из них являлись бывшими сотрудниками закрытой к этому времени Государственной академии художественных наук (ГАХН), где Габричевский – выдающийся искусствовед, литературовед и переводчик – возглавлял комиссию по изучению творчества Гёте. Когда в 1929 г. началась подготовка нового собрания сочинений Гёте, Габричевского назначили руководителем проектной группы, и ему была поручена не только редакторская работа, но подбор и приглашение авторов – переводчиков и комментаторов. Как напишет Розанов в комментариях к третьему тому, издание следует традиции структурирования собрания сочинений, установленной самим Гёте [4. С. 5]. Выход первых двух томов был приурочен к 22 марта 1932 г.

Когда в середине 1930-х гг. начались репрессии, большинство подготовителей издания были арестованы, в 1945 г. умер Вернадский, который должен был редактировать том, содержащий научные сочинения Гёте, и в результате выпуск этого тома так и не состоялся. Из оглавлений других томов были вычеркнуты или затерты имена Петровского, Б.И. Ярхо, арестованных по «Делу немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР», имя Жирмунского «то пропадает, то вновь возникает» в зависимости от его арестов [5. С. 255]. Каменев, являвшейся одним из трех главных редакторов издания, арестован и расстрелян в 1936 г. по делу «Троцкистско-зиновьевского центра», и начиная с 7 тома его имя исчезает с обложек книг. Несколько раз арестовывали и самого Габричевского, который в 1935 г. был сослан в Каширу, и после него руководителем издательского проекта стал переводчик-германист Н.И. Вильям-Вильмонт, который и завершает издание к новому юбилею Гёте в 1949 г.

Собрание сочинений предваряла титульная статья Луначарского «Вольфганг Гете», где была четко обозначена основная задача издания. «К текстам Гёте, – писал Луначарский, – мы прибавляем многочисленные вводные, комментирующие статьи. Почти все они составлены так, чтобы пополнить синтетический портрет великого поэта» [6. С. X].

Этой теме была посвящена вторая вводная статья «От редакции первого тома» (в нее частично был введен упоминаемый выше текст «Перспекта»), где цитировался огромный фрагмент из статьи Энгельса «Карл Грюн. О Гёте с человеческой точки зрения» (1847). Завершалась статья утверждением, что развитие современного гетеведения «должно будет привести к конечной победе намеченной Энгельсом точки зрения». «Эта ясная, глубокая и плодотворная мысль служит пробным камнем и *путеводной нитью редакторам и сотрудникам советского юбилейного*

издания» (здесь и далее в текстах курсив мой. – И.Л.) [3. С. 11]. Или, как скажет Луначарский, «в основу характеристики Гёте... мы кладем суждение Энгельса о Гете» [6. С. XX].

Сутью концепции Энгельса была идея, что в Гёте постоянно происходит «борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником... Гёте то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирующий мир гений, то осторожный, всем довольный узкий филистер... Немецкое убожество... побеждает его, и эта победа убожества над величайшим из немцев является лучшим доказательством того, что “изнутри” это убожество вообще нельзя победить» [7. С. 232–233].

Луначарский вслед за Энгельсом вводит в советскую науку формулу о «внутренней двойственности», «уродливой угодливости» немецкого классика (великий поэт и ничтожный филистер-буржуа) и подчеркивает, что целью комментариев должен стать не столько анализ «чистой» поэзии и поэтики Гете, но и «живой *социальный портрет*», его «социальные связи» [6. С. IX] – то, что может как-то оправдать его «предательство», и то, что сближает его с «новым человечеством», пролетариатом: «современный штаб великих вождей состоит из представителей подлинного авангарда человечества – пролетариата... С гордостью и радостью мы включаем в этот штаб великого Вольфганга Гёте. Он приходит сюда, к этому своему социальному апофеозу» [6. С. XX].

Такой разрыв между невозможностью победить «изнутри» буржуазное убожество и «социальным апофеозом» Гёте составляет нерв той идеологической установки, с которой приходилось иметь дело авторам Юбилейного собрания Гёте. Проблема же состояла в том, что – как точно заметил А.В. Луначарский – «лица, работающие над нынешним изданием, далеко не все являются марксистскими литературоведами», однако «обладая обширной эрудицией и прекрасно зная свой предмет, наши сотрудники, даже не марксисты, постарались выбрать в этом материале то, что характеризует именно социальные связи Гёте» [6. С. IX].

Эти формулировки не были столь безобидной, как может показаться, поскольку во время арестов и допросов сотрудников издания заставляли признаваться в создании «контрреволюционной группы», которая вела активную «борьбу с марксистским влиянием» и «протаскивала в печать статьи, мобилизовавшие на открытую борьбу с марксизмом в науке» (из протокола допроса Петровского 29 марта 1935 г.). Или, как под пытками «сознавался» Петровский, «всех нас, получивших первоклассное образование, связывало чувство превосходства над большевиками,

посягавшими на культуру, хранителями которой мы себя считали» (цит. по: [8. С. 32]).

Итак, новое собрание сочинений Гёте, включенное в канон «Великой Апроприации» [9. С. 16], должно было соединить *научный комментарий* и *идеологическое истолкование* его творчества. А.Г. Габричевскому, как непосредственному руководителю издания, приходилось лавировать между «подводными рифами» марксизма и научной объективностью, с чем он, к слову сказать, блестяще справился. Он был редактором первых двух томов (первый том посвящен лирике Гёте, второй – юношеским пьесам и эпическим поэмам), которые остаются лучшими в этом собрании сочинений, став образцом для подготовки научного аппарата академического издания зарубежной классики.

Комментирование произведений Гёте, как это было запланировано Габричевским, состояло из трех частей: статья-преамбула, фактографические примечания и небольшая заметка о четко обозначенных принципах перевода в каждом конкретном случае. Каждый том открывался вводной статьей, которая концептуально соединяла в единое целое опубликованные в томе произведения. Статьи по своей ценности и фундаментальности разнородны. С академической точки зрения наиболее интересны, и даже филигранны, размышления Габричевского, который сумел не только представить оригинальные концепции лирики и эпических поэм Гёте, но и встроить в научный дискурс тонкую критику сталинского режима или автобиографические мотивы.

Ключом к интерпретации Габричевского служит концепция «лирической формы», разработанная им уже в курсе лекций о Гёте, прочитанных в 1924–1925 гг. в Институте слова. Конспект этого курса сохранился в архиве племянницы Габричевского О.С. Северцевой и был нами транскрибирован и опубликован в книге, посвященной «гетеане» ученого [10].

А.Г. Габричевский считает, что «внутренняя структура» творчества Гёте имеет абсолютную ценность для эстетики, поэтики и антропологии – изучения сознания «человека на грани двух эпох». Он интерпретирует его сочинения, сознательно игнорируя марксистско-социальный подход, только с научно-философской точки зрения как «парадигму», «внутреннюю форму», встраивая его поэзию в найденный им «ритм европейских национальных литератур», куда также включает Данте, Шекспира, Пушкина.

Роль Гёте уникальна, хотя и «стихийна», он «создатель и завершитель языка и литературы». Исходным тезисом Габричевского становится новая в гётеведении *идея об абсолютной лиричности всего гётевского творчества* [10. С. 658–740]. В первом томе это положение подробнее раскрывается Габричевским в статье «Лирика Гёте»: величие Гёте в том,

считает ученый, что стихию лирического он впервые выразил как непосредственное «поэтическое содержание», «чистый лиризм». До него лирика была описательной, лишь повествующей о внутренних состояниях поэта, но Гете впервые включил в поэзию совершенно новые и до него принципиально невыразимые области, «мимолетные», «неуловимые состояния человека», движение жизни. После него лирика не могла остаться риторикой, теперь это, как тонко замечает ученый, «*ритмические сгустки потока прозаической речи*» [11. С. 21].

Другими словами, по мнению Габричевского, именно Гёте впервые осуществил «невиданную» в истории мировой поэзии гармонию между максимально выразительной, эмоциональной напряженностью и «бесконечным богатством предметных, объективных содержаний» [11. С. 18]. Его стихи всегда проникнуты чувством природы как живого органического целого, они «свидетельствуют об исключительной зоркости гетевского глаза, для которого наглядность образа и есть высший критерий его правдивости» [12. С. 11].

Развитие поэтики Гёте (анакреонтика, «буря и натиск», классика, поздний стиль) А.Г. Габричевский связывает с обогащением и утончением выразительности «словесной ткани» и расширением «предметной сферы» – от «центробежной экспрессии» («я» как бы порождает мир из себя) через «пластическую» центростремительную форму («я» уничтожается в созерцании замкнутого в себе образа, а словесная ткань «оплетает» предметы) до синтетической ступени (овладев законами бытия, оно обзревает мир как живую игру мыслей и чувств, явлений и законов), от символа к бесконечности аллегории, когда «каждый кусок бытия ценен теми бесконечными связями, которые существуют между ним и бесконечным множеством других вещей». Поэтическое развитие Гёте связано со сменой душевных кризисов, которые наступали всякий раз, когда он «творчески исчерпывал все возможности данной культурной и бытовой обстановки» [11. С. 15]. В конспекте лекций Габричевский уточнял, какой смысл он вкладывает в понимание гетевского «кризиса»: кризисы Гёте не были «станциями линии развития» (nicht Stationen einer Entwicklungslinie), но некими «зонами времени» (Jahreszonen) или «силовыми ядрами» (Kräfte Kugel): «систола» – уход в себя – сменяется «диастолой», «расширением» – «*приятием и овладением действительностью*» [10. Л. 3]. Непосредственность переживания остается, меняется только поэтическое настроение. Или, как пишет Габричевский, «вместо необузданного набухания природных сил – тихий подземный рост древесного корня и луковичи гиацинта» [11. С. 21–22], вместо песенной стихии – новый жанр

лирической рефлексии, когда словесный ритм покорно следует за ритмом мысли, поэтически формулируя вечные законы бытия.

В такую философско-филологическую интерпретацию творчества Гёте вкрапляются отдельные автобиографические мотивы, что уже случалось ранее, в его других текстах – и мечта об Италии [13], и идея внутреннего «переустройства» при невозможности «перестроить реальный мир» [14. С. 188–189]. Критика буржуазной Германии XVIII в., ставшая общим местом марксизма (по словам Ф. Энгельса, «это была одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса» [7. С. 561]), позволяла, не вступая в открытый конфликт с властью, вводить вполне прозрачные аллюзии на сталинскую Россию, что и делает Габричевский в этой статье. Вот как он описывает гетевский Веймар: «... в политически бесцветной и отсталой обстановке тогдашней Германии все творческие усилия немецкой буржуазии, с одной стороны, неизбежно направлялись по руслу чисто интеллектуальной и художественной культуры, с другой стороны – каждый подъем и продвижение по этому руслу приводило если не к катастрофе, то во всяком случае к капитуляции перед косностью и мертвенностью общественной жизни» [11. С. 16]. Вероятно, можно прочитывать этот пассаж и как историю культурной «катастрофы» со многими культурно-просветительскими и научными учреждениями первых лет советской власти, в том числе и разгон ГАХН.

Рассуждая о том, что «двойственность» жизни Гёте в Веймаре «заставляла поэта искать такую постановку проблемы личности, которая намечала бы пути ее роста и совершенствования не в антагонизме, а в согласии с объективными законами природы и истории», А.Г. Габричевский не только делает обязательную для цензуры отсылку к советской формуле о «двойственности» Гёте, но и пытается объяснить самому себе свою «проблему личности» в сталинской России.

Завершение вводной статьи к этому тому было совсем не юбилейным. Ее последняя фраза – «... каждое освобождение “изнутри” трагически сопровождалось порабощением “извне”» [11. С. 36]. Гётевская «свобода духа», которую неоднократно подчеркивал ученый, была враждебна любому тоталитаризму – и политическому, и эстетическому. Словечко Энгельса «изнутри», процитированное и Луначарским в статье к этому же тому «Вольфганг Гёте», не случайно возникает в финале статьи Габричевского (и тоже в кавычках, как бы демонстративно отсылая к текстам Энгельса и Луначарского), рождая ироническую переключку и трагически усиливая высказанную свободным «изнутри» ученым идею внешнего «порабощения».

Единственный экземпляр первого тома собрания сочинений Гёте в Российской государственной библиотеке со статьей А.В. Луначарского «Вольфганг Гёте» сохранился только до страницы XXXII, завершаясь ничем не значащей фразой: «Культурно-художественная атмосфера, которая окружала Гёте, его первые живописные, литературные и театральные впечатления относились к веселому и грациозному стилю рококо». Из книги изъяты разделы с середины третьего по восьмой, где Луначарский разбирает работы буржуазных литературоведов. Его критика направлена, прежде всего, против Ф. Гундольфа – немецкого профессора и германиста, автора знаменитого фундаментального труда «Гёте» (1916), цитаты которого, кстати сказать, Луначарский сознательно искажает или передает своими словами. Ведь Гундольф в 1920–1930-е гг. входил в поэтический круг поэта Стефана Георге (George-Kreis), внутри которого происходило формирование важнейших политико-идеологических концептов «консервативной революции» и идеологии национал-социализма. Того самого Гундольфа, «решительное» влияние которого на свое понимание поэзии Гёте Габричевский отметил еще в 1922 г. в статье «К поэтике “Западно-восточного дивана”», подчеркнув «блестящий анализ» и назвав его и Г. Зиммеля, «единственными истолкователями» Гёте [15. С. 67], а в 1930-е гг., опираясь в своей интерпретации творчества и «судьбы» Гёте на Гундольфа, уже не упоминая его имени.

А.В. Луначарский выступает, прежде всего, против тезиса Гундольфа, что природная сущность Гёте была, как каждая природа, тем более как гениальная природа, не социальна и что в нем проявляется высшая органическая целостность индивидуального начала [16. S. 279]. И между строк двух концептуальных статей первого тома – Луначарского «Вольфганг Гете» и Габричевского «Лирика Гете» – звучит скрытая полемика между философско-филологическим и социальным, между «буржуазным» и «марксистским» подходами к истолкованию литературного творчества. Луначарский пишет: «Несчастному Гундольфу не приходит в голову, что одно дело – социальность, которая может сделать гения великим и радостным сотрудником здорового общества, другое дело такая социальность, которая сгибает гения в бараний рог и заставляет его пресмыкаться перед ничтожеством» [6. S. XXXVII]. Или: «В своей большой биографии Гёте Гундольф исходит из представления о том, что судьба человека определяется его характером, его “энтелехией”. С этой точки зрения, по Гундольфу, гетевская судьба вся полна единой светлой закономерностью; смысл ее заключается в том, что Гёте должен был из “прекрасной природы” сделаться “прекрасной культурой”; и так как, по мнению того же Гундольфа, это вполне удалось Гёте, то он и предстоит перед нами как “классический человек”» [6. S. XXXVII].

В таком виде «представления» Гундольфа действительно выглядят лишёнными всякого смысла. Однако в книге немецкого гетеведа речь идет о другом – о том, что Гёте перерабатывает в органически-завершенную «полноту» (Fülle), «внутреннюю форму» разрозненные фрагменты своей жизни и «стихийное начало», «грубую материю» (Rohrstoff) своего творчества, являясь образцом, на примере которого можно исследовать явление «индивидуальности» как таковой: «Тот, для кого его личность (Gestalt) имеет прежде всего всемирно-историческое значение как “живая форма” (Gestalt), а его творчество – как великий формообразующий комплекс (Bildungskomplex) нового времени, тот найдет сердцевину Гёте в его поэзии, которая в самом плотном, сконцентрированном виде воплощается в его силе художника (Bildnerkraft), особенно в его классических произведениях (Gebilden)... Создать из собственной великой природы “прекрасную культуру”, “формобразование” (schöne Kultur, Bildung) – в этом был инстинкт Гёте, потом его сознательное стремление, а потом и его достижение» [16. S. 8].

Хорошо видно, как Луначарский искажает ключевые понятия Гундольфа – прежде всего, идею о целостности творчества и жизни Гёте как единой органической «формы», на которую опирался Габричевский, выстраивая свое понимание «лирической формы» и фундаментальной лиричности поэзии Гёте. Это необходимо Луначарскому, чтобы доказать тезис о «высокопарно-красноречивом и возвышенно-туманном, но, в сущности, довольно-таки пустом Гундольфе», критикуя его за «по существу неверную» попытку «изобразить склонившегося перед действительностью Гёте как вершину всяческой мудрости» [6. С. XXXX, XXXV].

В заключительной части своей книги, которая называлась «Entsagung und Vollendung», Гундольф вводит термины, которые вызвали наибольшее негодование Луначарского. Понятие «Entsagung» – самоотречение, примирение – толковалось Гундольфом как главный жизненный и философский итог, к которому Гете пришел в последние годы жизни. Слова «самоотречение» (Entsagung) и «самограничение» (Selbstbeschränkung), введенные в гетеведение Гундольфом, проходят красной нитью через многие работы Габричевского о Гёте, где соотносятся им не только с жизненной позицией «зрелого» поэта, но и с трагедией Вертера и Фауста, Вильгельмом Мейстером и Тассо, героями «Избирательного сродства» и даже с лирическим «я» «Дивана». Entsagung оказывается для Габричевского «сутью» поэтического сознания вообще как трагический опыт поэта, а не смирение перед «историческим убожеством» буржуазного строя, как это понимает Луначарский.

Второе понятие Гундольфа *Vollendung* – «свершение», завершение личности поэта. Габричевский пишет: «*Entsagung = Vollendung*» [10. Л. 23 об.]. Самоотречение (или «примирение») – это и есть «свершение», завершение личности поэта как таковой. Можно утверждать, что подобный образ Гёте-мудреца, Гёте-поэта в корне противоречил уже идеологически трансформированному к началу 1930-х гг. образу «поэта-филистера», на который ссылается Луначарский.

Сумев сохранить научный подход в Юбилейном собрании сочинений, в 1933 г. Габричевский уже вынужден идти на уступки цензуре, чтобы не отказаться от главного в своей интерпретации Гёте. Для сборника стихотворений Гёте, вышедшего массовым тиражом в издательстве «Academia», Габричевский публикует ту же статью «Лирика Гёте», добавляя в нее отсылки к идеологическому и «социальному» образу Гёте [12. С. 11–12]. Однако постепенно выясняется, что главной темой статьи является не «идейно бедная» поэзия, а жизненная судьба поэта – «примирение» гения, который подчиняется неумолимым законам природы. *Entsagung = Vollendung*: «Титан, сверхчеловек принужден смириться, одинокому художнику и мыслителю остается один путь – от самоизживания и утверждения личности к ее самовоспитанию и ограничению» [12. С. 17].

Этот фрагмент, казалось бы, аккуратно отсылает к официально-двойственному портрету Гёте, «вынужденного» жить в «убогой» обстановке и поэтому вынужденного смириться. Но все же речь идет совсем не о вульгарно-социологическом «смирении» Гёте перед обстоятельствами, как это описывает Энгельс и вслед за ним Луначарский, а о философском «примирении» с высшими законами бытия. В такой «тайной» стратегии статьи подспудно пробивается и философская рефлексия Габричевского о себе самом, и реплика в защиту гетеведения Гундольфа, и внутренний глубокий протест против идеологической инструментализации любимого поэта.

Комментирующая статья А.Г. Габричевского «Молодой Гёте» во втором томе Юбилейного собрания сочинений посвящена творчеству Гёте эпохи «Бури и натиска» и предваряет публикацию его четырнадцати юношеских пьес и фрагментов. «Молодой Гете» – второе концептуально значимое понятие для Габричевского (наряду с абсолютной лиричностью гетевского творчества), поэтому с объяснения его значения он начинает свою статью. Гениальность Гёте, считает ученый, состоит не только в безусловной поэтической одаренности, выделявшей его на фоне современников. «Поэтические образы» молодого Гёте, «как в зародыше», уже содержат парадигму мировоззрения всего XIX в., «питая» все последующее развитие европейской научной и философской мысли. В эпоху «штюрмерства» на развалинах риторической культуры рождается особое

мироощущение – Габричевский характеризует его словами «юношеская страстная любовь к жизни», «переизбыток силы и бодрости», «динамическое чувство бытия» [17. С. 12]. Поэтому слова «молодой Гёте» – это не просто обозначение хронологического этапа жизни поэта, а характеристика этого нового рождающегося вместе с Гёте «самочувствия» и «настроения» культуры, которое уже в эпоху модерна воплотится в культурных проектах «молодой Вены» и «молодого Берлина».

Новый этап развития культуры А.Г. Габричевский соотносит с построением нового образа «динамичной» природы. Природа как «огромное живое целое... само себя создающее в могучем борении сил». Человек в такой картине мира воплощает тот же самый комплекс переизбытка сил – созидательных и разрушительных, он «титан» и «гений», он действует как сама природа. С одной стороны, «клокочущая, распирающая грудь энергия хочет излиться из нее, слиться с природным целым». С другой – «гордое» самоутверждение личности, создающей свой мир, отвоевывающий его у других, как пишет Габричевский, «презирая и сокрушая все то, что ей навязывается извне», отыскивая природный первоисточник в своем сердце, «переживая» мир с максимальной космической полнотой [17. С. 16–17]. Отсюда – титанизм героев «бурных гениев», отсюда – центральная трагическая проблема эпохи, «бунтарская» реакция на мир наталкивает Гёте на новую драматическую форму и драматический сюжет.

Концепция трагического конфликта Гёте, как она представлена у Габричевского, безусловно, связана с его собственной эпохой XX в. Как мы уже упоминали, для Габричевского основу гетевской поэтики образует лирическое начало – эту мысль он подчеркивает практически в каждой статье о Гёте, поэтому в драматических произведениях поэт преобладает над драматургом, а трагедийное начало вообще чуждо его творческому принципу преодоления всяких противоречий. Тем не менее Гёте создает драматические фрагменты как попытку найти выход из той жизненной ситуации, в которой он жил. Ученому удастся связать поэтику Гёте с социальной установкой, которую требовала официальная концепция Юбилейного собрания сочинений. Он превращает официальную версию о двойственности Гёте, сломленного «убогой» атмосферой княжеского Веймара, в основу трагического конфликта, носящего абсолютный, неразрешимый характер именно потому, что косность и человеческая пошлость неискоренимы ни при какой власти. С одной стороны, он пишет, с оглядкой на цензуру: «Гёте творил в обстановке глухого политического безвременья, где не имел перед глазами образцов подлинной исторической жизни и борьбы». Но следующее предложение опровергает этот тезис: «...конфликт между героической личностью и средой кончается

трагически не потому, что личность гибнет в борьбе, а потому, что она в конце концов оказывается бессильной осуществить свой замысел, который искажается, душится, засасывается тупой косностью (*Gravitation*) и липким илом (*Schlamm*) человеческой пошлости» [17. С. 21].

Немецкие слова, введенные в текст и как бы «цитирующие» немецкие тексты Гёте (ставшие концептуально значимыми в книге Гундольфа), имеют лишь косвенное отношение к смыслу высказывания, а скорее несут нагрузку усиления отрицательно-оценочного смысла. Когда Габричевский переводит *Gravitation* (гравитация) как «косность», в том числе и в следующем отрывке из письма Гёте Гердеру («условия коснения и конечного перевеса ничтожества»), или намекает на метафору из стихотворения «Ксеркс», посвященного знаменитому персидскому царю, посланного Мерком своему молодому другу Гете («...кто погружал в ил благополучие целых народов...») [17. С. 21], можно предположить, что он пишет не столько о Веймаре, сколько вводит аллюзии на современность, а возможно, и современного грузинского «Ксеркса». Гетевский конфликт природы и цивилизации у Габричевского оборачивается конфликтом историческим, «эпохальным», в котором проступают современные черты: герои ранних драм и драматических фрагментов Гёте гибнут оттого, что их героические замыслы оказываются бессильными перед человеческой «пошлостью» и «косностью» общества.

Разбираемые А.Г. Габричевским ранние драмы Гёте в совокупности стали известны и полностью опубликованы лишь в конце XIX в. в знаменитом трехтомном собрании, на которое Габричевский постоянно ссылается («*Der junge Goethe*», Leipzig, 1875). До недавнего времени эти пьесы считались незначительной частью гётевского наследия, и лишь в последние годы интерес к ним усилился как к «средству поиска формы (*Gestaltungsmittel*)» [18. S. 43]. Габричевский с поразительной глубиной увидел в поисках молодого Гете эту «форму» уже 20-е гг. XX в.

Если в «Проспекте к Юбилейному собранию сочинений» и в статье Луначарского обосновывается необходимость использовать в комментариях «огромный добытый мировой и особенно немецкой наукой фактический материал, критически переработав его с точки зрения принципов марксистского литературоведения» [3. С. 5], Габричевский даже не упоминает о «принципах» марксизма: примечания должны предоставлять читателям «научно проверенный фактический материал и критический аппарат», «добытый многолетними трудами немецкого гетеведения». Задача такого издания – натолкнуть читателей на дальнейшие «более углубленные социологические и эстетические изыскания» [19. С. 7]. И действительно, в комментариях и примечаниях было учтено большинство

существующих к тому времени авторитетнейших комментированных изданий Гёте (Виехоф, Дюнце, Бурдах) с точными библиографическими отсылками. Заметки Габричевского очень основательны, информативны и четко структурированы, выполнены с учетом академической традиции научного комментария: во-первых, это основной фактический материал, касающийся творческой и библиографической истории каждого стихотворения; во-вторых, комментарий, «построенный главным образом на привлечении параллельных мест из лирики и из других произведений Гёте, включенных в настоящее издание, и на широком использовании высказываний самого автора о данном произведении» [20. С. 533]; в-третьих, перечень существующих русских переводов.

Большой объем академического текста был посвящен *разъяснению особенностей переводов*, сделанных специально для этого издания. Это был важный для А.Г. Габричевского, как руководителя издательской группы, проект, поскольку в начале 1930-х гг. он разрабатывает новые «принципы перевода», добиваясь «максимально полноценного и эквивалентного художественного перевода», т.е. перевода, который был бы не подражанием, не стихотворным пересказом, но «передачей подлинника во всей его выразительной полноте, с соблюдением всех стилистических и формальных особенностей, свойственных языку поэзии» [3. С. 7]. Соблюдение этих принципов необходимо, поскольку главная задача переводчика – «*воссоздать автора*». Отсюда вытекают два важных требования к переводчику: во-первых, это требование точности, отсутствие привнесений «от себя». Однако, «не стесняя поэтов требованием совершенной точности, что было бы равносильно требованию невозможного, редакция старалась всемерно бороться со всякими не-авторскими элементами» [19. С. 9]. Во-вторых, подчеркивает Габричевский, необходимо «исходить из самого понимания художественного произведения как *органического целого, все элементы которого равноправно участвуют в создании воспринимаемого нами комплекса*». Это важнейший принцип, который опирается на разработанную им концепцию «абсолютной лиричности» гетевского творчества. Он считает, что переводиться должна не какая-нибудь одна сторона произведения – мысль, образность или фонетическая структура: «Иная мысль в стихах сильна именно своим образным содержанием или своей формулировкой», следовательно, «нормальный» перевод – тот, который передает *цельный комплекс*, «перелагает в материале иного языка всю поэтическую систему подлинника». И наконец, «перевод всей системы оригинала» требует от переводчика «не только аналитической разборчивости, но и *полного синтетического восприятия подлинника*». Такой перевод Габричевский предлагает называть синтетическим [19. С. 10].

Новые переводы всех произведений Гёте стали важнейшей задачей юбилейного издания, в первый том было включено более 400 стихотворений, впервые переведенных на русский язык и «полностью» соответствующих подлинникам «по числу строк и по общей метрической конструкции» [19. 12]. В примечаниях всегда оговаривались исключения и иногда помещался какой-нибудь классический перевод Гёте – для сравнения с новым «синтетическим» переводом.

В переписке с авторами Габричевский неоднократно просит прислать заметки о принципах перевода, намереваясь включить их в научный аппарат, считая, что перевод – это не только художественная интерпретация оригинала, но и важнейший элемент его академической интерпретации. Так, он пишет В.И. Иванову в Рим: «...не могли бы Вы совсем кратко, хотя бы в нескольких строчках, изложить те принципы перевода, которых Вы придерживались при передаче данной вещи. Я об этом прошу всех без исключения участников нашего дела, ибо пришел к заключению, что таким образом некоторая неизбежная пестрота в облике тома может даже превратиться в достоинство... Думаю, что такого рода приключения значительно повысят научный интерес издания, *включив проблему перевода в круг проблем научной интерпретации подлинника вообще* [21. С. 307].

С такой же просьбой он обращается к М.А. Кузмину в письме от 29 декабря 1929 г.: «...у меня к Вам еще маленькая просьба: не согласились бы Вы в нескольких строках изложить принципы, коих Вы придерживались при данном переводе (что пытались сохранить, чем пришлось жертвовать и т.п.). Я хочу каждой вещи предпослать такую заметку переводчика, для того чтобы сгладить ту пестроту, которая неминуемо получится при наличии очень многих участников; кроме того, полагаю, что это повысит и научный вес издания» [22. С. 280].

Особую ценность для понимания *принципов перевода, предназначенного для публикации в академическом издании*, имеет дискуссия с Б. Пастернаком, которому также были заказаны переводы Гёте. Из письма Пастернака следует, что его принципы перевода были другие, и он отступает от требований Габричевского о «точном расположении текста», т.е. для него не является принципиальным сохранение первоначальной метрической и строфической конструкции оригинала, главное – сохранить «неусыпную живость подлинника» и «его поступательно-повествующую расчлененность». Приведем этот фрагмент полностью: «Я говорю о переносах строк в пределе октавы (об их перемещениях), об их дроблении на цезурах и о стремлении к сносной хотя бы рифме там, где нельзя дать хорошей, – и я также говорю о predeterminedенной безуспешности таких переводов, в которых частичная близость фиксирует только отвлеченности

подлинника и общие места и топит всю его поэтическую неповторимость в отглагольных существительных ср. рода на “-анье” и “-енье”. ...И оба, зная одинаково хорошо, что *перевод поэтических произведений просто немислим*, мы оба работаем при таком деле: Вы – как редактор, я – как переводчик. *Перевод не может быть удачен, даже если бы выбрать только род неудачи из всех неизбежных ее родов. Я его и выбрал* [23. С. 275].

Во втором томе такие заметки о принципах перевода становятся частью комментариев (С.С. Заяицкий, Н.Н. Вильям-Вильмонт, П.Г. Антокольский, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо и др.). Хорошо видно, что переводчики стараются следовать задаче «синтетического» перевода, выдвинутой Габричевским, поскольку это является условием публикации текста. Так, например, в примечаниях к пьесе Гёте «Совиновники» Заяицкий подчеркивает «формальную» точность перевода и точное соблюдение не только числа строк, но и особенностей рифмовки – использование вслед за Гёте глагольных рифм, сохранение разговорной «живости» диалогов и, напротив, «торжественных сентенций» монологов, использование французских слов и т.д. Значимым в переводе оказывается сохранение гетевской «театральной интонации» и «сценических достоинств» пьесы, которые для переводчика в ряде случаев оказываются важнее ее литературной ценности [24. С. 545]. Или, например, Вильям-Вильмонт, комментируя свой перевод драмы «Сатир, или обоготворенный леший», отмечает, что хотя «драма не лишена ритмических трудностей, мало знакомых русскому стихосложению», переводчик старается «придерживаться метра и ритма подлинника, равно как и чередования мужских и женских рифм» [25. С. 550]. Объяснения всех частности, которые, возможно, были не слишком понятны и интересны обычному читателю, придавали изданию академический характер, чего и добивался Габричевский.

Наиболее сложным оказалось комментирование «Фауста», которое должно было составить 5-й том и включить статьи и примечания Луначарского и Розанова [3. С. 13]. Вероятно, редакция планировала представить две разные точки зрения – марксистскую и культурно-историческую. Однако Луначарский умер в 1933 г., Розанов – в 1936 г. И работа была остановлена вплоть до 1947 г., когда Вильям-Вильмонт подготовил текст Гете к публикации и стал редактором этого тома.

«Фауст» всегда ценился марксистской критикой, которая видела в нем идею прогресса, стремление создать новый мир: «Фауст» «наносил удар отходящему в прошлое феодализму, мещанскому уюту и консервативному укладу жизни» [6. С. LXXI]. Именно вторая часть трагедии, которая в XIX в. отходила на второй план, в Советском Союзе оказалась близка массовому читателю своей социальной утопией. Луначарский объясняет

последнюю сцену трагедии, когда ослепший Фауст совершает фатальную ошибку, ликуя, что слышит звуки преобразуемого пространства, а на самом деле – лязг лопат, которыми лемуры роют ему могилу: «Свободный народ, переставший искать бога в небе, крепко стоящий на земле, отвоевывающий трудом каждый, все лучший и лучший день своего существования, то есть свободный трудовой коллектив в борьбе за власть над природой, – вот что показалось Гёте прекраснейшим. Вот что с высоты своей старости увидел он как где-то расстилающееся, желанное будущее» [6. С. IXX].

Возможно, из-за сильной социально-политической ангажированности «Фауста», А.Г. Габричевский не стал редактировать этот том, хотя в это же время он опубликовал две статьи с одним и тем же названием, посвященные трагедии Гёте [26, 27]. При этом версия 1932 г. (сокращенный и в определенном смысле упрощенный вариант статьи 1928 г.) хорошо показывает идеологические изменения, происходящие в обществе. Из статьи исчезли религиозные термины и внутренняя полемика со статьей Луначарского, была изъята цензурой фраза, что Фауст «убедился в бесплодности даже самой скромной деятельности на пользу других в обстановке узкой и косной среды» [27. С. 40], – фраза, которая им неоднократно повторялась, в том числе и в Юбилейном собрании сочинений, и которая имеет явный автобиографический контур.

В статьях других томов Юбилейного собрания сочинений уже с трудом удавалось избежать вульгарного социологизма и отсылок к марксизму в характеристике Гёте, в них нередки такие утверждения, как «гнет полицейско-бюрократического строя» давит на Гёте, «анархический бунт» Вертера; «бунтующие порывы к свободе и творчеству» не смогли «отлиться в четкие формы организованной борьбы» [28. С. 15] или «революция как метод была для Гёте неприемлема, и в этом пункте он “узкий филистер”, ничуть не возвысившийся над трусливым немецким бюргерством» [29. С. 23] и т.д. И уже редакционные статьи и комментарии Вильям-Вильмонта к 5, 10, 12, 13-му томам образцово идеологичны и представляют читателям нужный марксистский образ «советского» Гёте и его героев.

Список источников

1. Авербах А. В начале было дело // Литературная газета. 1932. 22 марта.
2. Луначарский А.В. Гете и его время // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1932. С. 5–20.
3. Проспект Юбилейного собрания сочинений Гете. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. 14 с.
4. Розанов М.Н. Драмы Гете в прозе // И.В. Гете. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. III: Драмы в прозе. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1933. С. 5–43.

5. Из воспоминаний О.С. Северцевой // Александр Габричевский. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 253–256.

6. Луначарский А.В. Вольфганг Гете // И.В. Гете. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. IX–LXXIX.

7. Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо первое редактору «Northern Star» // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. II. 615 с.

8. Северцева О.С. Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН // Густав Густавович Шпет: Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М. : Смысл, 2000. С. 31–40.

9. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М. : Новое лит. обозрение, 2018. 520 с.

10. Габричевский А.Г. Конспект курса лекций о Гете в Институте слова в 1925 году. Транскрипция Н. Подземской при участии И. Лагутиной // Габричевский А.Г. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 658–740.

11. Габричевский А.Г. Лирика Гете // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1932. С. 13–40.

12. Габричевский А.Г. Лирика Гете // Гете И.В. Избранная лирика. М. ; Л. : Academia, 1933. С. 9–26.

13. Комолова Н.И. «Миф» Италии и его реминисценции у Волошина и Габричевского // Россия и Италия. М. : Наука, 2000. Вып. 4: Встреча культур. С. 199–214.

14. Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания / сост. О.С. Северцева. М. : РОССПЭН, 2011. 775 с.

15. Габричевский А.Г. К поэтике «Западно-восточного дивана» Гете // Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 25–69.

16. Gundolf F. Goethe. Berlin : Verlag Bondi, 1916. 795 S.

17. Габричевский А.Г. Молодой Гете // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 11–30.

18. Goethe J.W. Goethe-Handbuch: in 4 Bänden / hrsg. von B. Witte. Stuttgart, Weimar : Metzler, 1997. Bd. 2: Dramen / hrsg. von Th. Buck. 553 S.

19. От редакции первого тома // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 3–12.

20. Габричевский А.Г. Примечания // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 533–664.

21. Два письма А.Г. Габричевского В.И. Иванову (предисловие и публикация О.С. Северцевой) // Россия и Италия. М. : Наука, 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 302–308.

22. Переписка А.Г. Габричевского с М.А. Кузьминым // Габричевский А.Г. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 278–321.

23. Переписка о собрании сочинений // Габричевский А.Г. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 270–278.

24. Заяицкий С.С. От переводчика // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1932. С. 545–546.

25. Вильям-Вильмонт Н.Н. От переводчика // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 550.

26. Габричевский А.Г. Гете и Фауст // Гете. Фауст / пер. В. Брюсова; ред. и коммент. А.В. Луначарского, А.Г. Габричевского. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 34–63.

27. Габричевский А.Г. Гете и Фауст // Гете. Фауст. Часть первая / пер. В. Брюсова; вступ. ст. П.С. Когана, А.Г. Габричевского. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 12–28.

28. Коган П.С. От «Вертера» к «Избирательному сродству» // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. VI: Драммы в прозе. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1934. С. 5–17.

29. Вильям-Вильмонт Н.И. Предисловие // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. V: Фауст. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1947. С. 5–44.

References

1. Averbakh, A. (1932) V nachale bylo delo [First there was a thing]. *Literaturnaya gazeta*. 22nd March.

2. Lunacharskiy, A.V. (1932) Gete i nashe vremena [Goethe and our time]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. pp. 5–20.

3. Kamenev, L.B., Lunacharskiy, A.V. & Rozanov, M.N. (eds) (1932) *Prospekt Yubileynogo sobraniya sochineniy Gete* [The Brochure of the Anniversary Collection of Goethe's Works]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury.

4. Rozanov, M.N. (1933) Dramy Gete v proze [Goethe's dramas in prose]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 5–43.

5. Severtseva, O.S. (2014) Iz vospominaniy O.S. Severtsevoy [From the memoirs of O.S. Severtseva]. In: Gabricheskiy, A. *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 253–256.

6. Lunacharskiy, A.V. (1932) Vol'fgang Gete [Wolfgang Goethe]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. IX–LXXIX.

7. Engels, F. (1955) Polozhenie v Germanii. Pis'mo pervoe redaktoru "Northern Star" [The situation in Germany. First letter to the editor of The Northern Star]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. T. II. 615 s.

8. Severtseva, O.S. (2000) Kommentarii k materialam sledstvennykh del sotrudnikov GAKhN [Comments on the materials of investigative cases of State Academy of Agricultural Sciences employees]. In: Martsinkovskaya, T.D. (ed.) *Gustav Gustavovich Shpet: Arkhivnye materialy. Vospominaniya. Stat'i* [Gustav Gustavovich Shpet: Archival materials. Memories. Articles]. Moscow: Smysl. pp. 31–40.

9. Clark, C. (2018) *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoy kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931–1941)]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Gabrichevskiy, A.G. (2014a) Konspekt kursa lektsiy o Gete v Institute slova v 1925 godu. Transkriptsiya N. Podzemskoy pri uchastii I. Lagutinoy [The summary of lectures on Goethe at the Institute of Words in 1925. Transcription by N. Podzemskaya with the participation of I. Lagutina]. In: Gabrichevskiy, A. *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 658–740.

11. Gabrichevskiy, A.G. (1932a) Lirika Gete [Goethe's lyrics]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 13–40.

12. Gabrichevskiy, A.G. (1933) Lirika Gete [Goethe's lyrics]. In: Goethe, J.W. *Izbrannaya lirika* [Selected lyrics]. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 9–26.

13. Komolova, N.I. (2000) "Mif" Italii i ego reministsentsii u Voloshina i Gabrichevskogo ["The Myth" of Italy and its reminiscences by Voloshin and Gabrichevsky]. In: Komolova, N.I. (ed.) *Rossiya i Italiya* [Russia and Italy]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 199–214.

14. Severtseva, O.S. (ed.) (2011) *Aleksandr Georgievich Gabrichevskiy: Biografiya i kul'tura: dokumenty, pis'ma, vospominaniya* [Aleksandr Georgievich Gabrichevsky: Biography and culture: documents, letters, memories]. Moscow: ROSSPEN.

15. Gabrichevskiy, A.G. (2014b) K poetike "Zapadno-vostochnogo divana" Gete [On the poetics of Goethe's "West-Eastern Divan"]. In: Gabrichevskiy, A. *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 25–69.

16. Gundolf, F. (1916) *Goethe*. Berlin: Verlag Bondi.

17. Gabrichevskiy, A.G. (1932b) Molodoy Gete [Young Goethe]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 11–30.

18. Goethe, J.W. (1997) *Goethe-Handbuch: in 4 Bänden*. Vol. 2. Stuttgart, Weimar: Metzler.

19. Kamenev, L.B., Lunacharsky, A.V. & Rozanov, M.N. (1932) Ot redaktsii pervogo toma [From the editors of the first volume]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 3–12.

20. Gabrichevskiy, A.G. (1932c) Primechaniya [Notes]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 533–664.

21. Gabrichevskiy, A.G. (2003) Dva pis'ma A.G. Gabrichevskogo V.I. Ivanovu (predislovie i publikatsiya O.S. Severtsevoy) [Two letters from A.G. Gabrichevsky to V.I. Ivanov (preface and publication by O.S. Severtseva)]. In: Komolova, N.I. (ed.) *Rossiya i Italiya* [Russia and Italy]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 302–308.

22. Gabrichevskiy, A.G. (2014c) *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected Works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 278–321.

23. Gabrichevskiy, A.G. (2014d) *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected Works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 270–278.

24. Zayaitkiy, S.S. (1932) Ot perevodchika [From the translator]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 545–546.

25. William-Wilmont, N.N. (1932) [From the translator]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. p. 550.

26. Gabrichevskiy, A.G. (1928) Gete i Faust [Goethe and Faust]. In: Goethe, J.W. *Faust* [Faust]. Translated from German by V. Bryusov. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 34–63.

27. Gabrichevskiy, A.G. (1932d) Gete i Faust [Goethe and Faust]. In: Goethe, J.W. *Faust* [Faust]. Translated from German by V. Bryusov. pp. 12–28.

28. Kogan, P.S. (1934) Ot “Vertera” k “Izbiratel’nomu srodstvu” [From “Werther” to “Selective Affinity”]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 5–17.

29. William-Wilmont, N.N. (1947) Predislovie [Preface]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 5–44.

Информация об авторе:

Лагутина И.Н. – доктор филологических наук, профессор Школы филологических наук, главный научный сотрудник международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ilagutina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.N. Lagutina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ilagutina@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2023;
одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 15.07.2023;
approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 17.10.2023*